

Цена угля и цена его цены

Государство, проводя политику жестко фиксированных цен в угольной промышленности, договорных и свободных цен на продукцию других отраслей народного хозяйства, потребляемую угольной промышленностью, длительное время ставило отрасль в неравное положение с другими отраслями народного хозяйства. Так, за период 1988–1991 годов цены на промышленную продукцию, поступающую в отрасль, в результате введения договорных цен по сравнению с их прежним уровнем увеличились в среднем в 8–12 раз. Цены же на уголь все это время фактически оставались без изменения, а если и увеличивались, то незначительно. Такая политика привела к возрастающей нехватке средств на закупку новой техники, реконструкцию шахт, осуществление социальных программ.

В отрасли поэтому стал приостанавливаться процесс обновления производственных мощностей, начали снижаться уровень механизации труда, его производительность и как следствие этого — искусственно инициировался рост себестоимости угля. Особенно значительный удар по угольной промышленности, фактически поставивший ее на грань выживания, нанесла реформа 1992 года, когда правительство в одностороннем порядке изменило действовавшие правила ценообразования, введя свободные, непрерывно растущие цены на всю продукцию производственно-технического назначения и товары народного потребления, поступающие в отрасль, сохранив фиксированные, хотя и несколько повышенные цены на уголь. В частности, на газ цены были повышены в 173 раза, что превысило рост цен угля в 2,3 раза, на мазут — в 506 раз, превышение в 6,7 раза, на продукцию машиностроения — 200–500 и более раз, превышение в 4,7 раза.

Диспропорции в обмене угольной промышленности с другими отраслями, производящими продукцию производственно-технического назначения, еще более увеличились. В своей ценовой составляющей к 1 июля 1993 года они достигли не менее 15–20 раз. Прямой ущерб, нанесенный отрасли от этого за период 1992–го и первую половину 1993 года, оценивается в 2–2,5 триллиона рублей. Общий же ущерб, нанесенный отрасли подобной ценовой политикой за счет нарушения ценового паритета, только по продукции производственно-технического назначения за период с 1988 года до 1 июля 1993 года оценивается в сумме 6,5–8 триллионов рублей.

В связи с постоянной нехваткой средств к настоящему времени около 80 процентов всех шахт оказались нереконструированными. Многие из них стали хронически убыточными. Разом лишившись в результате либерализации цен в

январе 1992 года значительных средств на капитальные вложения, отрасль оказалась без будущего. Государство взяло, а вернее, отобрало эти средства в долг у отрасли, и оно обязано их вернуть с учетом индексации и того социально-экономического ущерба, который нанесен угольной промышленности подобной политикой. Используя дополнительные средства, отрасль, проводя своевременно реконструкцию шахт, вполне могла бы увеличить производство угля и сохранить, а возможно, и снизить его себестоимость. Вместо этого отрасль оказалась неконкурентоспособной, хронически убыточной, с отсталой социально-экономической инфраструктурой.

Правительство в течение многих лет неоднократно обещало обратить внимание на отрасль, улучшить социально-экономическое положение шахтеров. Однако вместо этого, без создания экономических условий угольной отрасли, уравнивающих ее с другими отраслями народного хозяйства, принято решение об отпуске цен на свободу при одновременном закрытии в течение ближайших лет 42 шахт. Такое решение означает не что иное, как отказ правительства от своих обязательств, перекладывание решения вопроса вывода отрасли из тяжелого экономического состояния, в которое оно загнало отрасль своей ошибочной экономической политикой, на плечи самих шахтеров.

Ожидается, что в результате отпуски цен на свободу уже в 1994–1995 годах начнет возрастать количество убыточных шахт в объединениях: Востоксибуголь, Сахалинуголь, Интауголь, Кизелуголь, Тулауголь, Ростовуголь, Кузнецкуголь, Приморскуголь, Воркутауголь.

Особо следует обратить внимание на результаты, которые ожидают народное хозяйство вследствие либерализации цен на уголь по предложенной правительством схеме.

Во-первых, либерализация цен на уголь не-

избежно вызовет резкий рост цен во всем народном хозяйстве. Рост затрат в черной металлургии составит 4–5, а возможно, и более раз, в энергетике — 3,5–4 раза, в машиностроении — не менее 3 раз, в коммунальном хозяйстве — до 5 раз. В народном хозяйстве начнет увеличиваться количество неконкурентоспособных и убыточных предприятий. В металлургии, если не принять соответствующих мер, могут стать убыточными такие крупные предприятия, как Череповецкий и Магнитогорский металлургические комбинаты. Как следствие либерализации цен металлургическое производство, а также машиностроение окажутся неконкурентоспособными. В результате уже на уровне народного хозяйства придется решать те же финансовые проблемы и вопросы закрытия большого количества предприятий, которые сейчас решаются в угольной промышленности.

Во-вторых, одновременно с закрытием ряда шахт в европейской части России сюда из-за нехватки угля и высоких, непрерывно возрастающих транспортных расходов по доставке угля из восточных районов России, придется возить уголь из-за рубежа, что сделает народное хозяйство зависимым от иностранных партнеров.

Существующие сегодня схемы транспортных потоков энергоресурсов, в частности угля, отражают исторически сложившийся в течение длительного времени характер развития размещения и специализации производительных сил и ориентированы на потребление угля в крупных промышленных районах. Многие из них целиком рассчитаны только на потребление угля. Свободные цены на уголь повлекут разрушение и коренную ломку этих уже сложившихся хозяйственных связей, вызовут необходимость пересмотра всей стратегии развития и размещения промышленности, ее районной и региональной специализации. Иными словами, разрыв хозяйственных связей еще более углубится.

В частности, многие промышленные районы страны длительное время ориентировались на потребление дешевых сибирских углей. Либерализация цен на уголь и высокие транспортные расходы делают неэффективным потребление ряда углей в прежних местах и замыкают их потребление по месту добычи. Однако значительная, если не подавляющая часть промышленности Сибири ориентирована на использование электроэнергии. Поэтому не будет востребован уголь. В результате реально встает вопрос о существовании угольной промышленности Сибири при одновременном закрытии и реконструкции большого количества предприятий, использующих уголь в европейской части России. Это обойдется народному хозяйству не в один десяток триллионов рублей.

Одновременно обострятся вопросы развития народного хозяйства в районах Севера. Дальнейшее содержание там городов и поселков становится все более нерентабельным. Возникает вопрос об их дотации или закрытии, что затрагивает стратегические интересы и безопасность страны.

Таким образом, в угольной промышленности сейчас создаются условия для появления серьезных спадов производства, нарастания угрозы массовой безработицы, резкого снижения жизненного уровня. Фактически под угрозу ставится само существование отрасли, что, безусловно, отрицательно скажется на всем народном хозяйстве.

Все это говорит о том, что принятое решение об отпуске цен на свободу и закрытии ряда шахт не отвечает интересам страны. Преследуя цель избавиться от убыточных шахт и тем самым ослабить напряженность бюджета, оно не учитывает многих крупных отрицательных социально-экономических последствий, вместо экономии принесет стране ущерб в десятки триллионов рублей. Поэтому требует пересмотра и дополнительной проработки.

Чтобы уменьшить возможные потери государства от отпуски цен на уголь, необходимо увязать бассейновые цены с долговременными интересами размещения и перспективами развития промышленности и других отраслей народного хозяйства по территориям страны, исходя из потребностей в угле отдельных регионов и отраслей, возможности замены угля другими энергоносителями.

Одним из вариантов, ослабляющим отрицательное влияние либерализации цен на народное хозяйство, может стать регулируемый переход к рыночным ценам. Государство на первом этапе должно сохранить для большинства объединений выделение им капитальных вложений. В этом случае, если принять за базу цены себестоимости, рассчитанную исходя из затрат на добычу и обогащение угля и ориентированную на замыкающие затраты по объединениям, находящимся в наихудших горно-геологических условиях, то в первоначальное время — полгода повышение цен на уголь составит не более 3–4 раз.

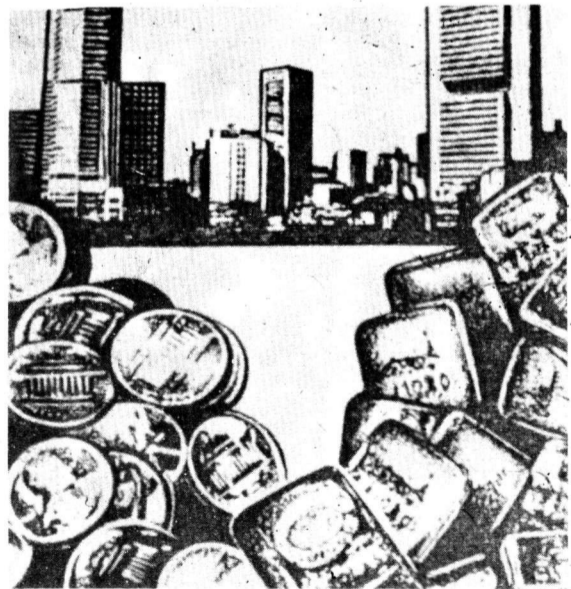
Одновременно с этим необходимо определить существующие и перспективные потребности в угле народного хозяйства в разрезе отраслей и регионов с учетом потребностей внутреннего рынка и экспорта по каждому конкретному объединению (зоне, возможно, шахте). Потребность в угле должна определяться не только с учетом спроса потребителей и его качества, но и возможных транспортных расходов на доставку к месту потребления, а также перспектив закрытия доступа отечественным потребителям к уголю соседних республик и голландии угля оттуда по мировым ценам. На уровне государства поэтому должна быть разработана перспективная схема развития отрасли народного хозяйства, отражающая их потребности в угле, согласованная с угольной промышленностью, ее угольными объединениями.

В. ШПРЫГИН,
директор Центра изучения конъюнктуры цен и рынка «ЦЕНАКОР», член-корр. РАЕН, доктор экономических наук.
«Экономическая газета».

МАГНИТОГОРСКИЙ МЕТАЛЛ

4

Золото России

рынке один грамм стоил почти в 10 раз дороже...

Если в 1985 г. в подвалах советского Госбанка хранилось 2500 тонн золота, то к концу существования СССР (то есть в декабре 1990 г.) — всего лишь 250 т. А после «успешного» проведения и провала августовского путча (1991 г.) золотой запас Госбанка СССР не превышал, по израильским и южноафриканским оценкам, 180 т.

Увы, Израиль или ЮАР нашему Госкомстату не указ. Хотя надо признать, что «очень дальнее зарубежье» близорукостью не страдает.

Швейцарские эксперты утверждают: для того, чтобы сбить цены мирового рынка золота в 1,5–2 раза, России достаточно «внезапно» предъявить этому рынку 20–25 «золотых» тонн. Что она, Россия, и делает, следуя испытанным традициям когда-то Советского Союза. Так, если в ноябре 1992 г. мировая цена золота составляла 12,5 — 13 долларов за один грамм, то это стало возможным «благодаря» российскому золотому демпингу. Ибо в третьем-четвертом кварталах истекшего года экспортная цена отечественного золота, не превышала 6,5 долл. за грамм.

То же и с платиной: Россия вывозила платину в том памятном году по цене 4–6 долл. за грамм, в то время как мировые цены на этот не менее благородный металл составляли 11–13,5 долл. за грамм. В общем, мы за ценой не постоим!

За годы перестройки Советским Союзом на Запад было продано-переправлено немалое количество золота и родственных ему металлов. Например, Госнаб Союза через подставную фирму «Азимут» в 1989–1991 годах реализовал в Западной Европе и Северной Америке золото, платину, а также свинец, магний, палладий и другие редкоземельные металлы. Учредителем «Азимута» формально являлся Внешпромтехобмен СССР. А сколько фирм и фирмачей подобного рода еще не стали известны

широкой публике?

Впрочем, немногие старатели сегодня оплакивают развал СССР. По крайней мере в России.

Несмотря на то, что указом президента России (22. 2. 1992 г.) запрещена биржевая торговля драгоценными, редкими и стратегическими металлами, они по-прежнему покупаются и перепродаются на Запад и на Восток, хотя и без излишней рекламы и «гласности». Теперь эти металлы идут оптом и в розницу на отечественных биржах под рубрикой «прочие цветные металлы» или просто «прочие». Ну, не основные, а так, в качестве своего рода нагрузки к алюминию, меди, свинцу.

По официальным данным АО «Биржа металлов», доля «прочих цветных металлов» в объеме сделок на цветные металлы составляет 20–28 процентов. А удельный вес «прочих» в общем объеме реализованной на Бирже металлов металлургической продукции варьируется от 5 до 9 процентов (первый и второй кварталы 1993 года).

Российские биржевые цены на золото и платину в 5–8 раз выше «официально-государственных». Этими металлами «полупофициально» (то есть в качестве «прочих», «прочих цветных» и т. п.) оперируют 6 российских и одна казахстанская биржа. Но, по оценкам канадских и тайваньских экспертов, фактически 10–12 бирж СНГ осуществляют операции с драгоценными металлами, причем до 80 процентов сделок имеют экспортный характер.

Вернемся, однако, к банковскому золотому запасу России. Как сообщалось в августе 1992 г. «Франкфуртер альемейне», не менее 150 т. российского — бывшего советского — золота находятся в дальнем зарубежье. А еще 240 тонн содержатся в анналах Госбанка России. По крайней мере содержались... Этот же источник подтверждает, что в 1986 г. золотой запас СССР составлял примерно 2 тыс. т. Однако в конце 1990 — начале 1991 г. СССР внезапно «выбросил» на мировой рынок 700 т. золота по

цене 6–8,5 руб. за грамм! И это в то время, когда золотой запас страны уже равнялся 250 тоннам.

Иранские, гонконгские и иракские источники утверждают, что годовая добыча золота в бывшем СССР ныне составляет 130–150 т. (против 270–320 т. во второй половине 80-х годов), а экспортируется около 90 процентов производимого в СНГ золота и до 80 процентов — платины и палладия. Последние вывозятся прежде всего в США и Канаду, где используются в каталитических и бифункциональных нейтрализаторах выхлопных газов автомобилей.

Перспективы экспорта золота из России весьма обнадеживающие для импортеров: согласно данным Института конъюнктуры драгоценных металлов (Блумфонтейн, ЮАР), при среднем мировой цене 1 г. золота в 11–12,5 долл. (апрель — июль 1993 г.) «золотой» экспорт России по-прежнему имеет демпинговую стоимость — не более 8 долл. за грамм. Причем свыше 80 процентов объема вывоза злата приходится на негосударственные структуры — всевозможные СП, биржи, коммерческие банки, инофирмы...

Поскольку внешний долг России увеличивается быстрее, чем темпы инфляции (обесценивания) рубля, и именно на Россию возложено «почетное» бремя выплаты советских долгов и процентов по ним, российское золото является желанным средством расплаты по векселям — прошлым и нынешним. Во всяком случае многочисленные публикации зарубежной прессы отнюдь не отрицают наличия соответствующих соглашений российского руководства с его западными кредиторами.

...Ну и что? Ряд африканских и азиатских стран давно заложили свои сырьевые ресурсы, в том числе уран, золото, платину, алмазы и т. п. в обмен на периодическое списание растущих внешних долгов. И ничего! Как были должниками, так и остались.

А. ЧИЧКИН